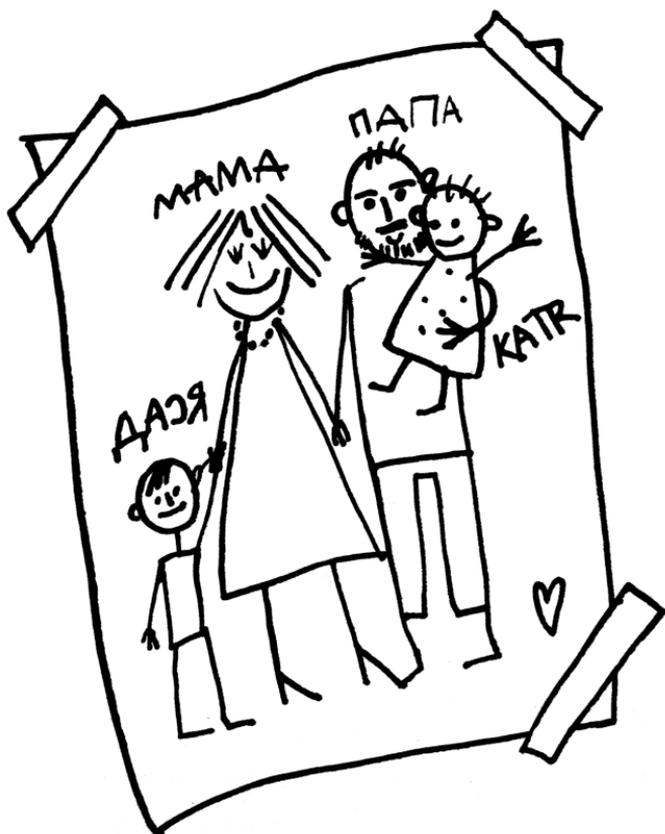

Содержание

Введение	8
А — Алмаз	12
Б — Баунти	18
В — Взятка	26
Г — Границы	36
Д — Добряк	41
Е — Епитимья	49
Ё — Ёлочка	59
Ж — Жадина	66
Ж — Жизнь	73
З — Звонок	84
И — Истерика	96
К — Книга	104
К — Конференция	113
Л — Любовь	117
М — Маляр	126
М — Математика	131
Н — Няня	139

О — Овсянка	149
П — Пряник	161
Р — Репетиция	170
С — Сапожок	180
Т — Тайм-менеджмент	187
У — Урок	195
Ф — Фаворит	201
Х — Холл	209
Ц — Цена	213
Ч — Чуйка	219
Ш — Шаг	228
Щ — Щеколда	240
Ъ	249
Ы — Ынтырнет	257
Ь	265
Э — Энциклопедия	271
Ю — Юнга	281
Я — Ясли	287
Заключение	297

Эта книга — немножко пьеса, потому что в ней одни и те же действующие лица. На страницах книги герои предстают в разном возрасте, настроении и разных ситуациях, но их имена остаются неизменными:

Мама — Ольга.

Папа — Михаил.

Сын — Данила (домашнее имя — Дася). На момент выхода книги девять лет.

Дочка — Екатерина. На момент выхода книги три года.

Введение

Сначала я хотела назвать книгу «Кудах-тах-тах». Я вечно кудахчу над своими цыплятами, решаю какие-то их проблемы, часто придуманные мной.

Есть такой смешной анекдот про мам. Мама кричит сыну, который гуляет во дворе:

— Вася, иди домо-о-ой!

— Мам, я замерз? — спрашивает Вася.

— Нет, ты хочешь кушать!

Принято считать, что мама наверняка знает, что хочет ее ребенок. Потому что мама как бы эксперт. По материнству.

Когда я обнаружила себя пишущей книгу о материнстве, я испугалась: я крайне неуверенно чувствую себя в роли такого эксперта. Ну вот какой я эксперт? Я что, дюжину нобелевских лауреатов вырастила? Или мой ребенок выпустил бестселлер «Моя мать — лучшая мать на свете»?

Какие вообще существуют критерии успешной матери? Если бы мне как маме нужно было сделать визитки на какое-то мероприятие, где вручают «Оскары» мамам и папам за успешное родительство, то на своей визитке я так бы и написала: «Черт его знает, как правильно воспитывать детей!»

Я раньше всегда за это извинялась. За то, что не знаю, как правильно. Мол, я не детский психолог, я не читала книг об этом, я просто живу и люблю своих детей и каждый день учусь вместе с ними быть счастливой мамой, чтобы они выросли и у них был перед глазами пример счастливого родительства. А чтобы я была счастливой мамой, мне нужно, чтобы были счастливы мои дети. Вот такой замкнутый круг. Тут важно понять: быть счастливыми все время невозможно. Счастливое родительство не имеет ничего общего с идеальным. Это не картиночные мама и папа, улыбочки в 32 зуба, дневник с пятерками и постоянный успех.

Так не бывает. Счастье очень многогранно, а жизнь непредсказуема. Бывают моменты, когда совсем не до улыбок, когда мама или папа совсем не ресурсны, когда больно, страшно и совершенно непонятно, что будет завтра. Быть хорошими родителями в такие моменты сложнее всего. А приходится. Ребенок — это не телевизор, его нельзя выключить, когда надоело. Приходится быть родителями каждый день. Поэтому моя главная задача — научиться искать счастье в лю-

бом дне (тут «дне» в значении «день» или «дно»? А, в обоих значениях), в любом моменте, и универсальных правил здесь нет и не может быть.

И вдруг я поняла, что это моя фишка: я просто живу и не знаю, как правильно. Потому что никто не знает. Только т-с-с.

Если бы это знание существовало, его бы давно запатентовали и штамповали пачками счастливых детей счастливых взрослых. Но его нет. «А что есть?» — спросите вы. Маленькие поучительные басни, основанные на реальных событиях. Я описываю в этой книге родительские кейсы как ассорти знаний.

Это такой букварь для взрослых, алфавит родительских прозрений.

Алфавит для начинающих родителей. Начинающие родители — это не обязательно впервые беременная женщина или замерший в ожидании чуда будущий папа. Это скорее родители, которые поняли, что главное в любом родителстве — осознанное стремление к счастью.

Эта книга для тех взрослых, кто весело и вприпрыжку решил пойти в первый класс школы осознанного родительства, как любознательный Буратино, зажав под мышкой азбуку. В этой азбуке нет и не должно быть согласных. И гласных тоже нет. Тут есть ситуации, в которых вы вполне можете узнать себя. Как бы примерить на себя чужой опыт и решить, что дальше с этим делать. «А что с ним надо делать?» —

уточните вы. «А понятия не имею», — отвечаю я. Я научу вас читать по этому алфавиту, а уж что именно вы в нем прочтете — исключительно ваша ответственность.

Это ассорти очень разных ситуаций, из которых складывается мозаика нашей жизни.

Я не знаю, правильно ли в этой книге все написано. Я просто разрешила себе ошибаться, быть не идеальной. Разрешила себе любить детей так, как хочется, потому что я не знаю, как правильно.

Дети — это самое сложное, что случилось со мной.

Дети — это самое лучшее, что случилось со мной.

Эта книга о неидеальной матери и неидеальном материнстве. Потому что идеала не существует.

А — Алмаз

Я сидела дома, болела. Заболеть перед Новым годом — тяжкий гнет: ты калечишь праздник не только себе, но и окружающим.

Накрылись медным тазом все предпраздничные мероприятия, сын загрустил. Моя подруга забрала сына на елку. У подруги тоже сын, и парням вдвоем должно быть весело.

Я с благодарностью отдала ребенка, закрыла за ними дверь и провалилась в тяжелый температурный сон.

Спустя час из сна меня достал телефонный звонок. В трубке — ликующий голос моего Даси:

— Мам, прикинь, я только что получил сразу два подарка!

— О, два! — хриплю я. — А почему два?

— Ну, потому что я схитрил. На елке выдавали подарок и ставили печать на ладошку тем, кому уже

выдали, чтобы не запутаться. Ну так вот я получил первый подарок, стер печать, встал в очередь снова — и получил второй.

— Ого, — опешила я.

Спросонья было очень сложно подобрать слова и оценить ситуацию. И голова болела нестерпимо.

С одной стороны, хитрить — может, и неплохой навык, с другой стороны, тут хитрость близка к обману. И тут сын говорит последнюю фразу, от которой я таю:

— Это я для сестренки, для Катюши старался...

— Сын, — мой голос становится мягким, как карамель. — Приедешь домой — поговорим.

Я жду его дома и готовлюсь к разговору.

Я НЕ ПРОТИВ ХИТРОСТИ КАК ГИБКОСТИ,
НО Я ПРОТИВ ХИТРОСТИ КАК ПОДЛОСТИ.
А ГРАНЬ ТУТ ОЧЕНЬ ЗЫБКАЯ, ПОЧТИ НЕЗАМЕТНАЯ.

Подруга рассказывала мне случай на отдыхе. Они с ребенком отдыхали на море. Она загорала, сын нырял. И тут выбегает из моря ее ребенок и сияет:

— Мама, мама, у меня для тебя подарок! Смотри! — и протягивает кольцо с камнем, явно драгоценным. — Мама, я плавал, нырял глубоко и с самых глубин достал для тебя это кольцо. Если бы я был твой жених,

я бы встал на одно колено и подарил его. Но я твой сын. Поэтому просто прими от меня этот подарок.

Сын был счастлив от того, какой презент он делает для мамы. Подруга растерялась. С одной стороны, сияющая мордашка сына, с другой — чужое кольцо, у которого наверняка есть хозяйка, плачущая где-то, что она его потеряла. И подруга говорит своему мальчику:

— Милый, больше всего на свете я люблю, когда ты даришь мне подарки. Твои рисунки, твои поделки — они бесценны, хоть в них и нет бриллиантов. А в этом кольце есть. Оно дорогое, это видно невооруженным глазом. И кто-то, вероятно, долго копил на него, а потом купил.

— И потерял! — напомнил сын, начиная понимать, к чему клонит мама.

— Да, и потерял. Оно в воде соскользнуло. Это кольцо очень дорого его хозяйке. Она где-то сейчас плачет, что потеряла его. А возможно, тут дело даже не в цене, а в том, что это кольцо подарил ей сын. А мы сейчас возьмем и лишим хозяйку ее кольца.

— Мам, ты не хочешь брать от меня подарок?

— Хочу. Но получается, что этот подарок не от тебя. А от той женщины, которая потеряла. Если мы вернем ее вещь, она будет счастлива. И это тоже своего рода подарок — сделать кого-то счастливым.

После этого они пошли на ресепшен отеля и отдали кольцо. Выяснилось, что хозяйка уже нашлась, приходила, спрашивала, была очень расстроена.

— Вот видишь, как здорово, — сказала подруга сыну. — А если бы мы оставили кольцо себе, то как бы строили свое счастье на несчастье другого?

Мне многое дал этот опыт подруги, вооружил меня стратегией для разговора с моим сыном.

Он влетел домой, румяный и довольный, обвешанный подарками. Один тут же протянул сестре. Я не вмешивалась. А уже вечером перед сном, когда сын пил молоко с печеньем, я решила поговорить.

— Дась, вот смотри, ты сегодня на елке раздобыл два подарка.

— Да! Я молодец!

— Послушай. — Я не хотела оценивать его поступок. — Ты был бы сто процентов молодец, если бы за этот подарок тебе пришлось потрудиться. Ну, спеть, станцевать — заработать. Но ты получил его обманом.

— Хитростью.

— Дань, в этом случае обманом. Хитрость — это когда никто не пострадал и все случилось лучше, чем планировалось.

— А кто тут пострадал?

— На елке было 100 детей и 100 подарков. Один ребенок забрал два подарка. Кто пострадал, как думаешь?

— Понял, — погрузился сын. — Я не подумал...

— Я знаю, что ты сделал так не со зла, и не ругаю тебя. Я хочу, чтобы ты задумался. Подарок — это ценность, которую ты создаешь сам. Вот если бы ты купил его на заработанные деньги и подарил сестре — в нем была бы ценность. Или ты за него на сцене выплясывал бы для Деда Мороза — тоже была бы ценность. А так ты просто курьер, Дась. Который подарил подарок сестре за счет того ребенка, который остался без подарка.

— Ох, я уже и сам не рад...

— Дась, здорово, что ты меня правильно понял. Ты все равно молодец, я как мама очень тронута, что ты всегда помнишь о маленькой сестре и заботишься о ней. При этом мне важно, чтобы ты всегда думал и оценивал свои поступки с разных сторон.

Мы еще немного поболтали о елке, о представлении и поразившем воображение сына фокуснике, и Дася пошел чистить зубы перед сном, надевать пижаму и спать.

И я пошла к себе. Лежала в кровати и думала о бриллиантах. Нет, не о тех бриллиантах, что были на том кольце, которое нашел сын подруги. А о тех бриллиантах, которые спрятаны внутри не ограненных еще характеров наших детей.

ЖИЗНЬ – ОТЛИЧНЫЙ ОГРАНЩИК, ОНА ЛЮБОЙ
НЕВЗРАЧНЫЙ АЛМАЗ ПРЕВРАТИТ В БРИЛЛИАНТ.

Только для этого важно отыскать и показать ребенку его драгоценные черты еще в детстве, чтобы он не испортил огранку царапинами злости и обмана.

Через полчаса сын уже сладко спал, я зашла к нему в комнату выключить ночник и залюбовалась им. Спи, мой маленький алмазик. Я обязательно научу тебя сверкать всеми своими лучшими гранями. Впереди у тебя столько интересного!

Мы с сыном в аэропорту. Я прошу его поддержать мой паспорт. Даня обнаружил в паспорте деньги и спрашивает:

— Мам, а это чтобы, когда мы прилетим в другую страну, таможенник знал, что у нас денюжка есть? Что мы не побираться летели?

Б — Баунти

Все мое детство было пропитано яростной экономией. Денег всегда было мало, а хотелок много, особенно в осознанном детстве.

Когда мне было лет 11, на прилавках маленького приморского городка, где я жила, появились первые «Сникерсы», «Марсы» и жвачки «Love is» со вкладышами.

Сказать, что я их хотела, — ничего не сказать. Все одноклассники уже всюю лакомились диковинными вкусняшками и выдували пузыри из жвачек мне в лицо. Жвачка пахла клубникой и стоила рубль. Рубль — это ого-го какие деньжищи!

У меня никогда не было карманных денег. Не потому, что мне не доверяли — наоборот, всегда гордились моей сознательностью! — а потому, что их в принципе не было — свободных денег.

Семья жила бедно, но сытно. Хочешь добавки? Вон на плите суп на мясном бульоне! Будешь? Ешь!

Я РЕБЕНОК. Я НЕ ХОЧУ СУП.
Я ХОЧУ «БАУНТИ». НО ЕМ СУП.
ХОЧУ ОДНО, А ПОЛУЧАЮ ДРУГОЕ.

Я часто ходила по магазинам и ларькам и смотрела на яркие витрины. Смотрела на то, что не могла купить. Могла бы я не ходить и не дразнить себя? Вероятно, могла. Хотя нет, не могла. В этом было какое-то мазохистское удовольствие. Рассматривать яркие фантики, представлять, какая на вкус конфета внутри.

Может, именно в тот момент и формировалась моя целеустремленность? Я помню, думала: «Вот вырасту, заработаю много денег и скуплю все «Сникерсы» в городе!»

Мой сын не знает, что такое дефицит. Хочешь «Сникерс»? — На.

Я часто думаю, что в этой доступности хотелок есть и обратная сторона: нет магии мечты, когда ты месяцами мечтаешь о шоколадке, а потом тебе ее дарят на Новый год. У нее же совсем другой вкус по сравнению с той обыденной, что ты купил в обед на карманные деньги. Еще и выбирал долго, не мог понять, какую хочешь. Потому что не так и хочешь...

Самое яркое воспоминание детства — когда мой дядя купил нам на Новый год шоколадку «Alpen

Gold» с орехами. Нам — это мне, сестре и брату. Мы посчитали количество плиточек и поделили на три (получилось каждому по шесть квадратиков), и потом каждый из нас решал, как с ними поступить.

Помню, что брат — он младше на четыре года — съел свою порцию сразу.

А я свои квадратики спрятала, у меня колотилось сердце от предвкушения, но мне хотелось попробовать осознанно, ловить оттенки вкуса, а не запихивать все в рот, придавив ладошкой.

СЕСТРА ПОШЛА УГОЩАТЬ ВЗРОСЛЫХ,
И Я ПОМНЮ, КАК ВОСХИТИЛАСЬ ЕЕ ОГРОМНЫМ
СЕРДЦЕМ: ОНА ВЕДЬ ТОЖЕ ХОТЕЛА
ЭТУ ШОКОЛАДКУ, ПРИЧЕМ ТАК ЖЕ СИЛЬНО,
КАК Я. КАКОЙ ЖЕ ДОБРОЙ НУЖНО БЫТЬ,
ЧТОБЫ ПОДЕЛИТЬСЯ ТЕМ, ЧТО ОЧЕНЬ ХОЧЕШЬ САМ...

Брат спрашивал, когда я буду есть свою шоколадку. Я сердилась — тебе какое дело?

А он хотел смотреть, как я смакую свою порцию, как ем шоколад, и еще раз проживать вкусовые воспоминания. В этом не было манипуляции (она будет есть и — куда денется! — поделится!), просто... дефицит шоколада.

Сестра угостила папу, бабушку и прабабушку, и у нее почти не осталось шоколада. Кажется, пара квадратиков. Она съела остатки и подмигнула мне. Нет, ей было не жалко.

И вот я два дня подряд съедала по одной плиточке, по одному квадратику тайно от всех. Будто своровала. Шоколад быстро растворялся во рту, но я долго и вдумчиво ловила послевкусие.

Настал день, когда у меня осталось четыре квадратика. Я знала, что делать: пошла к сестре и щедро разделила их пополам. На, ешь! Ты же свои отдала... Не шоколадка, а тренажер щедрости. Но сестру я люблю больше, чем шоколад. Зато вкус той шоколадки я запомнила на всю жизнь.

Экономия течет у меня по венам. Я привыкла думать установками: если удалось сэкономить, то хорошо, если нет — плохо. На этих установках базировалась вся моя финансовая грамотность.

У меня и муж такой же. Помню, однажды зимой он купил целую коробку средств от комаров. Sprei всякие, мази, пластины. Это при том, что на дачу мы ездим редко и нам одного тюбика хватило бы на несколько сезонов на всю семью.

— Зачем нам столько? Ты собираешься в лес перебраться? — спросила я.

— Слушай, ну скидка была 70 %, я и купил. Я просто подумал, что выгодно... — ответил растерянный муж.

Я ТОГДА СМЕЯЛАСЬ ДО ИКОТЫ И ПРИДУМАЛА
СЛОГАН НАШЕЙ РАНЕННОЙ ЭКОНОМНЫМ ДЕТСТВОМ
СЕМЬИ: БЕРЕМ ОТ ЖИЗНИ ВСЕ, ЧТО ПО АКЦИИ!

Мы очень радуемся, когда по акции. Акционный товар всегда нужен, потому что вместе с продуктом ты приобретаешь радость выгодной покупки. Иногда эта радость важнее того, что ты купил. Акция — это когда в приобретение встроена дополнительная выгода.

Однажды мы с детьми и друзьями ездили отдыхать и снимали один коттедж на всех. Это было выгодно. И там была большая кухня, светлая, с мангалом.

По утрам все пили растворимый кофе, приготовленный на этой кухне. Садись на балкончике, любовались лесом и природой. А я шаршила за пределы этого комплекса отдыха полчаса бодрим шагом, чтобы в придорожной кофейне купить настоящий капучино из кофемашины. А потом шла обратно и смаковала этот кофе.

На балкончике меня встречала подруга и спрашивала:

— И вот не лень тебе на это время тратить? Вот мы пьем вкусный растворимый, и восемь наших чашек по стоимости равны одной твоей. Разве это рентабельно?

Я не знала, что ей ответить. Мне это было нужно. И я была готова час шарашить по лесу ради любимого хорошего кофе.

А недавно я поняла важное... В тот день я утром вышла из дома, где пила кофе. Вкусный, хороший, из кофемашины. Потом выбежала в морозное утро, прыгнула в машину, поехала на встречу и на заправке снова купила кофе. Я не уверена, что хотела его, я и сделала только пару глотков, но стаканчик в руке меня успокаивает. «Все хорошо, Оль», — как бы говорит он мне на языке кофе.

Потом я добралась до центра, мой кофе остыл, и мне нужны были две руки, чтобы подписать договор, в общем, я выкинула тот недопитый кофе. А после подписания выбежала на Садовое кольцо и увидела любимую кофейню. Они делают нежный кофе навынос. И я, не задумываясь, купила себе очередной стаканчик кофе.

И вот я бегу по тротуару со стаканчиком кофе, делаю пару глотков, и он стремительно остывает — на улице мороз. И вдруг меня осеняет.

МНЕ ВАЖНО НЕ ПОКУПАТЬ ИМЕННО КОФЕ,
А ПРОСТО ЧТО-ТО ПОКУПАТЬ.
ПОТОМУ ЧТО Я МОГУ КУПИТЬ!

Все мое детство я не могла купить то, что хочу. В психологии это называется фрустрацией, когда желаемое недоступно. А теперь я получаю то, что хочу. Когда хочу. Хочу «Баунти» — получаю «Баунти». Ну, вместо супа.

И сейчас я, уже взрослая, покупаю каждый стакан кофе со встроенной опцией контроля над ситуацией. Все хорошо, Оля, ты можешь себе позволить.

Этот кофе — собирательный образ. Это мои «Сникерсы», не съеденные в детстве, мои несжеванные «Love is». Через этот кофе я покупаю себе «Alpen Gold» из детства, хочу накормить ту маленькую себя досыта.

Но, мать, тебе 37. Все под контролем. Вот твой кофе. Ты на самом деле не хочешь его, ты хочешь стабильности. И это продуманная жизненная акция. Со стороны может показаться, что транжирство, но нет. Я покупаю гораздо больше, чем кофе.

Я рассказываю сыну про свое детство. Он любит эти рассказы, слушает внимательно, про дефицит даже переспрашивает.

Его детство досыта утрамбовано шоколадом, а ограничения действуют только на большое количество вредной еды. Нельзя столько «Баунти», зубы испортишь. Нельзя столько гамбургеров, желудок испортишь.

Я смотрю на сына, который не умеет сильно хотеть, и не знаю, хорошо это или плохо. Нужно ли лишать чего-то, чтобы научить мечтать и хотеть?

— Дась, — спрашиваю у сына, который склонился над тетрадкой и делает уроки. — Вот прямо сегодня, сейчас, чего ты очень-очень хочешь?

— Я очень-очень хочу каникулы, — не задумываясь, отвечает сын.

— Ооо, у меня по этому поводу для тебя сюрприз. Акция! Напиши завтрашние контрольные на пятерки, и твои каникулы начнутся на два дня раньше!

— Как это?

— Ну, все учатся до пятницы, а у тебя последний учебный день — среда. А в четверг ты едешь в лагерь.

— Уррра! — с радостными воплями сын скачет по комнате. Обожаю радовать его. Вся наша жизнь — одна сплошная акция.

В – Взятка

Я много лет была чиновником. Слово «чиновник» вызывает у людей негативные ассоциации, прежде всего в общественном сознании это бездельник и взяточник. Я видела чиновников, которые и правда были бездельниками и взяточниками и этим дискредитировали остальных.

Я часто даю интервью и рассказываю, что мне обидно за профессию: за 12 лет чиновничества я ни разу не брала взятку. «Правда, объективности ради стоит добавить, что и не давал никто», — говорю я в конце, и в этом месте все смеются.

Однажды журналист решил развить тему и спросил:

— То есть если бы вам дали, вы бы взяли?

Это такой простой вопрос, и ответ на него очевидный. Просто скажи «нет, ни за что». Так и есть, на 99,9 %. Но мне важно быть честной, важнее, чем

хорошей. И я на секунду задумалась. Бывают разные ситуации.

Меня, например, спросили однажды, могу ли я убить птицу. Я даже не поняла вопроса, возмутилась. Как вы вообще могли подумать, что за вопрос! Конечно, нет!

А если это большая птица нападет на моего ребенка? Или если мы на необитаемом острове умираем от голода и... Понятно, что такие ситуации не могут произойти у нас, в спальном районе столицы. Но гипотетически они существуют, и говорить категорическое «нет» опрометчиво.

Однажды в молодежном лагере я была свидетелем того, как один парень присвоил себе результаты чужого труда. Сказал, что это он художник, нарисовавший картину. Я знала, что автор той картины — совсем другой человек, который раньше уехал из лагеря по семейным обстоятельствам, а хвалили — его, обманщика. И вот он улыбался, принимал незаслуженные аплодисменты, смущенно кланялся, и все его смущение принимали за скромность, а я думала: «Интересно, что у него внутри? Каково это — чувствовать незаслуженное признание, омраченное страхом внезапного разоблачения?»

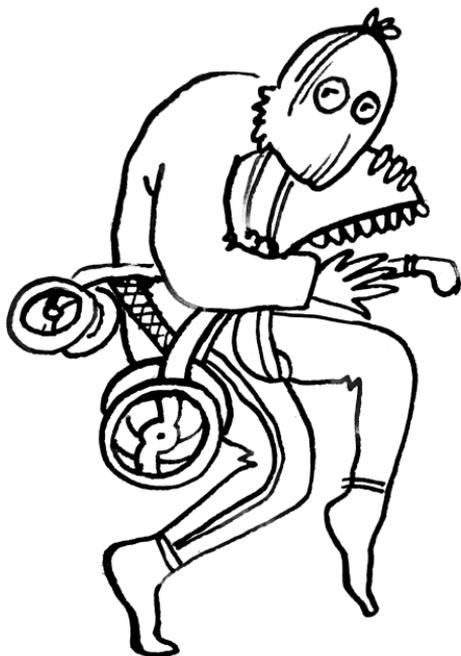
Взятка — это то же самое. Это способ запачкать душу. Никто не заметит, что душа запачкана, но я-то буду знать, и мне от этого будет плохо.

Однажды до меня дошли слухи, что господин N берет взятки. Тот самый N, который регулярно и без шумихи помогал одному детскому дому. Оборудовал там спортзал, сделал косметический ремонт в классах за свой счет, купил технику. Я привыкла думать о нем с восхищением как о человеке широкой души. Информация про взятки меняла ситуацию в корне. Получалось, что счет не такой уж и свой. Я растерялась: не умею судить людей.

А вдруг у него были основания взять те деньги? Это, конечно, не оправдание преступлению, но...

Однажды моя дочь сильно заболела, чуть не умерла и потеряла слух. Я очень страдала и была не в себе: готова была перечислить (и практически сделала это) приличную сумму шарлатану, который обещал проникнуть в мою дочь «через ауру» и вернуть ей слух без операции. Я настолько ничего не соображала, что верила в любую чушь.

Потом я узнала про кохлеарную имплантацию. Это как раз возможность сделать операцию и восстановить слух. Делать ее нужно срочно, пока не заостенела ушная улитка после менингита. Операция стоила три миллиона рублей. Для нас это огромные деньги. Я никогда столько в руках не держала. При этом время играет не в нашей команде, стремительно утекает сквозь пальцы: у нас было всего несколько дней, чтобы найти эту сумму.

Позже мы узнали, что операцию можно сделать по квоте, то есть бесплатно. Но несколько дней мы, не зная про квоты, искали деньги. Мы готовы были продать активы, но за неделю это сделать проблематично.

Я не могла думать ни о чем, кроме спасения дочери. Я сутками была в панике. Мне кажется, именно в том состоянии, в котором я была, люди грабят банки. Потому что о рисках не думаешь.

Мне кажется, если бы в тот момент мне предложили взятку, я бы взяла. Я бы не думала о деньгах,

я бы думала о дочери. Потом, после операции, завтра, я пойду и сдамся. И пусть меня посадят. Но сегодня я спасу ребенка.

Я СТАРАЮСЬ ИСКЛЮЧИТЬ КАТЕГОРИЧНОСТЬ
ИЗ СВОЕГО МЫШЛЕНИЯ И ВСЕМ ИЩУ ОПРАВДАНИЯ.
Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТАМ, НА КОЛОКОЛЬНЕ ЭТОГО
ЧЕЛОВЕКА. ПРОСТО С МОЕЙ КОЛОКОЛЬНИ ОЧЕВИДНО,
ЧТО ПОЙТИ НА СДЕЛКУ С СОВЕСТЬЮ ТОЛЬКО
РАДИ ДЕНЕГ – ОЧЕНЬ СОМНИТЕЛЬНЫЙ ПРОФИТ.

Можно сойти с ума от тревожности и осознания черты, которую ты переступил, от того, что ты сам поцарапал свою карму.

Однажды у нас с дочкой украли... коляску. Я вышла из магазина — а коляски нет. Я ошалело заметалась на крыльце, как домовенок Кузя, у которого украли сундучок со сказками. Ой, беда-беда, огорчение! Нафаняя! Вот кем нужно быть, чтоб украсть коляску? Каким-то предводителем дураков со дна колодца беспринципности? Вот какой у этого вора следующий шаг? Выхватить «Агушу» из ладошек заснувшего годовасика? Сдернуть с седой головы бабушки павлопосадский платок?

Смеркалось. Я растерянно стояла на крыльце: в одной руке две большие упаковки подгузников,

в другой дочка. Катюня, кстати, весила тогда уже почти 7 кило и скользила своим комбезиком по моему пуховику. Из дверей магазина вывалился пьяный толстый мужик с бутылкой пива и, не рассчитав траекторию движения, больно толкнул меня локтем. «Так, — внутри меня проснулся Шерлок. — Значит, во-первых, это не сон. А во-вторых, еще нет 21:00, раз мужику пивас продали! Это для протокола пригодится». Дедукция...

У меня с дочерью договоренность: на улице не спать. Спать дома. Улица — место, где нужно бдить и развиваться. Смотри, Катя, лужа. Смотри, Катя, птичка. Смотри, Катя, тетя. Это такой лайфхак для мам, у которых дома нет помощников: утомленная прогулочными впечатлениями, Катюня «приходит» домой и засыпает от усталости, тем самым развязывая мне руки для домашних дел. И пока ей снится лужа, птичка и тетя, я орудую пылесосом и жарю котлеты. Симбиоз.

Так вот в этом идеальном уравнении была одна неидеальная переменная — коляска. Кате три месяца, почти четыре, и коляска у нее люлечная. Лежит ребенок в своем корытце и видит бездонную синь неба. Ни тебе тети, ни тебе лужи. Мне приходилось доставать дочку из коляски и таскать ее на руках, пиная перед собой коляску животом. Неудобно. И вот сегодня, наконец, я решила достать прогулочную коляску. Не трость, конечно (я в сознании), но такую, в которой

Катюня могла бы лежать, как в шезлонге, чуть вертикально, под минимальным углом и весело бдить.

На этой коляске я шесть лет назад рассекала с сыном. Хороший транспорт. У него мой характер: разухабистый такой вездеход. Маневренный, веселый и быстрый. Бирюзовенький. И вот, уложив в него Катюню, которая прилежно дула пузыри из слюней в ожидании первого зуба, я припустила в сторону магазина, на втором этаже которого можно было разжиться подгузниками. На второй этаж ведет подвижный и шустрый эскалатор. Я замешкалась у его подножья. Как попасть наверх с объемной коляской и дитем? Опасно! Не буду рисковать. Оставляю коляску внизу, а за подгузниками метнусь с Катюней на руках. Делов-то на пять минут! А спустя пять минут это все случилось.

Приунывшая, я решаю, стоит ли звонить мужу. Помочь, находясь в 100 километрах от меня, он вряд ли сможет, но в сарказме искупает однозначно. Прямо вижу, как он спрашивает, есть ли у меня десять рублей, и, получив положительный ответ, советует пойти в супермаркет и за десятку взять продуктовую тележку, в которой я смогу весело довести дочку и подгузники до дома... Смешно, ага.

Наверное, нужно заявить в полицию. Я представила, как сижу в сыром подвале, освещенном одинокой лампой, подвешенной на веревочке, на мокром каменном полу валяются упаковки подгузников, ря-

дом на столе в дырявой картонной коробке спит моя дочь, а я, обняв сама себя за локти, раскачиваюсь на стуле и диктую следователю список похищенного на мотив Шурика «вот-спасибо-хорошо-положите-на комод»: пять баранок или шесть, больше сыну и не съесть... И салфеток влажных там пачка целая была... Для сухой для кожи рук там лежал отличный крем... А еще на ужин наш там лежал один лаваш... Погремушка в виде бус, а, пардон, она с собой...

У меня к вору два вопроса: как и зачем? Как сегодня крадут коляски? Я просто впервые столкнулась, дебют, так сказать. Как он это сделал? Увидел коляску — схватил и побежал, разметав щеки к ушам? Сложил и запихал в «уазик»? Закинул в «КамАЗик»? Или это цыган с серьгой в ухе прицепил мою колясоньку к своей гужевой повозке и сказал своему коннику: «Ннно!»

И второй вопрос: зачем? Возить в ней своего карапуза? Продать на «Авито»? Перебить номера и перегнать во Владик? Разобрать на запчасти? Кругом же камеры, тебя, колясочник, легко поймают. И посадят. А в тюрьме засмеют. И татуху набьют в форме колясоньки, что в иерархии тюремных татух означает «дно-днище». А я приду на следственный эксперимент и испепелю тебя взглядом. Или вас, если у тебя был сообщник. И дочу принесу, и ущипну ее, чтоб безутешно плакала и совесть вашу раздражала. И не поленюсь плакат нарисовать: «Мы воруюм у малютки,

мы бесславные ублюдки». Ну как так-то? Нафаняя... Я еле доволокла до дома ноющую Катюню и подгузники. Дома всплакнула. Уложила дочь. Страдая, съела котлету. Позвонила мужу. Узнала, что я клуша. А кто еще в наше время бросает коляски без присмотра? Всплакнула еще раз. Согласилась, что клуша. Съела еще одну котлету. Полегчало. Успокоилась...

Коляску так и не нашли. Я иногда думаю о человеке, который ее украл. Представляю себя на его месте. Точнее, пытаюсь придумать ситуацию, при которой мне необходимо своровать у младенца коляску. Моя бурная фантазия буксует и не выдает вариантов.

Возможно, это вор. Просто циничный вор. Он берет все, что плохо лежит, и не рефлексит. Возможно, он в молодости выдал себя за талантливого художника и украл у кого-то заслуженную славу. Прошли годы — и он скатился до колясок.

Я НЕ ЗНАЮ, КАК МОЖНО НАКАЗАТЬ
СЕБЯ СИЛЬНЕЕ: ПОСАДИТЬ
САМОГО СЕБЯ В ТЮРЬМУ СОВЕСТИ.

Я написала этот рассказ и дала прочитать его сыну. Он прочел и сказал:

— Мам, я хочу срочно кое в чем признаться. Однажды в школе учительница подарила мне два киндера.

Сказала: это тебе и сестренке. А я был голодный и... сам съел. Оба. Два. Это плохо, я знаю, но я не смог...

— Ого, вот так откровение!

— Я так устал таскать эту тайну в себе, — вздохнул сын. — Сейчас прямо легче стало...

Я внутренне прыснула. Сын совершает ошибки, свойственные возрасту, и раскаивается в них. Понимает, что такое хорошо и что такое плохо. Это отличный знак. Есть основания полагать, что тест на честность через взятки ему проходить не придется.

Полный дом гостей. Праздник в честь нашей дочки Катюни. Ей месяц. Катюня пошла по рукам: друзья с удовольствием весь вечер ее мурыжат. Но пришла пора менять крохе подгузник.

Муж забирает ребенка, кладет на пеленалку. У Катюни глазки съезжают к носу — у новорожденных такое случается и проходит к полугоду. Муж смотрит на косоглазика и в поддельном ужасе кричит мне:

— Мааам, нам сломали ребенка! Узнай, кто играл в нее последним!

Г — Границы

Однажды мама вошла в комнату без стука, взяла мою сумку и стала в ней рыться.

— Мам, что ты делаешь?

— Я видела у тебя аспирин. Голова раскалывается.

— Мам, у меня есть аспирин, но можно же попросить...

— Да я вижу, что ты занята, вот и не отвлекаю.

МНЕ 15 ЛЕТ, И В ЭТОМ ДИАЛОГЕ
Я УСВАИВАЮ ЧЕТКУЮ ВЕЩЬ:
ЛИЧНЫХ ГРАНИЦ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

Однажды мы с Мишей — тогда еще парнем, а не мужем — пошли в гости. Сели за стол так, что оказались в самом углу, и чтобы выйти, пришлось бы поднимать

всех других гостей. В процессе праздника выяснилось, что я забыла в сумке телефон, он зазвонил, и Миша полез через весь стол искать мою сумку, а потом обратно.

— Да зачем ты сумку тащишь, просто достань телефон, — удивляюсь я его недогадливости.

— Как это — залезть в чужую сумку? — недоуменно спросил он.

— Почему чужую? Я тебе что, чужая?

Он ошарашенно смотрел на меня. Его взгляд говорил сам за себя: нет, ты не чужая, но лазить по не своим вещам — неприемлемо.

МНЕ 20, И В ЭТОМ ДИАЛОГЕ
Я УСВАИВАЮ ЧЕТКУЮ ВЕЩЬ:
ЛИЧНЫЕ ГРАНИЦЫ ВСЕ-ТАКИ СУЩЕСТВУЮТ.

Я приехала в школу-интернат. По карте — я тут впервые. Привезла бытовую химию и одежду, которую передали волонтеры. В данном случае я просто водитель. Из интерната вышли дети. Многие сразу меня обняли, ластились ко мне. Невозможно не обнять в ответ. Мне было приятно и неловко. Как можно обниматься с незнакомыми? А вдруг я плохая тетя? А вдруг я причину зло?

Дети легко вошли в мое личное пространство, не подозревая о его наличии. Им никто не рассказал, что

это неправильно. Так же легко они пустят и в свое личное пространство. И это даже не доверчивость, это дефицит любви и тактильной ласки, помноженный на неинформированность. Там, во взрослой жизни, этот дефицит может быть для них смертельно опасен.

МНЕ 25, И В ЭТОЙ СИТУАЦИИ Я УСВАИВАЮ
ЧЕТКУЮ ВЕЩЬ: МЫ САМИ УСТАНАВЛИВАЕМ
СВОИ ЛИЧНЫЕ ГРАНИЦЫ.

Ко мне приехала подруга. Очень важный открытый разговор. Мы, понизив голоса, говорим о сокровенном. В комнате играют дети: мой четырехлетний сын Данила и ее пятилетний Вова.

В кухню, где мы сидим, врывается Вова и начинает что-то увлеченно рассказывать маме. Подруга тут же отвлекается на него и изображает интерес: ее ребенок рассказывает про город роботов.

— Так о чем мы говорили? — спрашивает подруга спустя пять минут, когда выбегает ее сын.

— Я потеряла нить, — честно говорю я.

— И я...

И вот опять спустя время напряженный, важный разговор. В кухню влетает мой Даня.

— Мама, мама, мы там построили...

— Сынок, мы пока с тетей Машей разговариваем. Сейчас мы закончим, я обязательно подойду и посмотрю, что вы там построили, ладно? А пока я занята, — говорю я сыну и продолжаю, обращаясь к Маше: — Прости, и дальше что?

МНЕ 30 ЛЕТ, И В ЭТОЙ СИТУАЦИИ Я УСВАИВАЮ
ЧЕТКУЮ ВЕЩЬ: ЧЕМ РАНЬШЕ НАШИ ДЕТИ
УЗНАЮТ О СУЩЕСТВОВАНИИ ЛИЧНЫХ ГРАНИЦ,
ТЕМ ПРОЩЕ ИМ БУДЕТ ЭТО ПРИНЯТЬ.

Личные границы — это границы доверия. Вы сами себе их устанавливаете, а ваши дети берут с вас пример. Эти границы могут меняться с течением времени: могут крепнуть, а могут проседать. Но они должны быть, и ваши дети должны о них знать.

Мой сын сейчас в комнате пишет первое в жизни признание в симпатии девочке. Она болеет, и он попросил купить ей цветы, чтобы отнести записку вместе с цветами в качестве лучей поддержки.

— Тебе помочь написать, Дась? — спрашиваю я.

— Нет. Я сам.

И вот пишет. Уже спрашивал, как пишется слово «нравишься» и «выздоровеешь», и сокрушался, что оба слова он написал без мягкого знака. Готово: витамин любви и участия в формате А4 детским почерком.

На улице ужасная погода. Я собираюсь по делам, по пути куплю и закину цветы и записку девочке, которой она адресована.

— Только не смотри, мам, не читай, — волнуется сын.

— Не буду, Дась. Можешь на меня рассчитывать.

— Это секрет.

— Сынок, я уважаю твое право на секрет и не стану читать твое признание. Это и правда очень личное.

— Да, очень личное.

Муж видит, как сын волнуется.

— Ладно, Дась, собирайся. Пойдем, и сам все подарить, сам выберешь цветы. Это будет правильно, по-мужски. Когда нас, влюбленных мужиков, погода останавливала! Заодно погуляем.

— О, отлично. Тогда и сестру возьмите. Кто ж на свидание без кузнеца ходит? — шучу я.

Сыну важно, что взрослые уважают его границы, и это отличный урок. Для взрослых — урок уважения к чужим границам, для ребенка — урок осознания их наличия.

Осталось выучить, как пишется слово «нрависься», и можно считать себя совсем взрослым.

Мне 36, и в этой ситуации я усваиваю четкую вещь: с сегодняшнего дня станем стучаться, когда входим в комнату к сыну. Ему уже восемь.

Д — Добряк

Мой сосед дядя Гриша купил машину. Он копил на нее полжизни — и купил. А еще у него недуг — неумение отказывать. Я где-то читала, что это называется «гипертрофия обратной связи», когда интересы другого человека ты всегда ставишь выше своих.

Я не зря написала «недуг»: дядя Гриша от этого страдает. Многие путают недуг с добротой, они же очень похожи. Только после доброго дела у тебя вырастают крылья, а после этого недуга ты поджимаешь хвост, ибо дома ждет скандал с женой.

Все его друзья, родня и знакомые тут же смекнули: у Гриши теперь есть тачка. Пользовались этим фактом так активно, будто Гриша — их личный водитель на зарплате. Дядя Гриша вообще-то любил проводить время за рулем, но нервничал, что время, нервы и бензин он тратит на других людей: щедро дает свой

ресурс, а они берут, и некоторые так к этому привыкли, что даже спасибо не говорят.

Сестра обиделась: прилетела ночью из отпуска, попросила встретить в аэропорту, а Гриша сказал, что это бессонная ночь, а ему работать завтра весь день, и намекнул, что можно вызвать такси.

Сестра захлебнулась негодованием, будто он сказал не здравую аргументированную мысль, а просто захлопнул перед ней дверь. Вот и пришлось ехать, встречать, просить прощения.

А другой сосед, дядя Валя, — полная противоположность дяди Гриши. Он хмур и высокомерен. Эксперт во всех вопросах. К нему ни подойти, ни подъехать. Он свои границы защищает так яростно, что, поговорив с ним единожды, люди решают, что второго раза не будет.

Однажды в лифте дядя Валя спросил, не нужна ли мне мультиварка. Он купил новую и не знает, куда деть старую. Она ему мешает, стоит в пакете, но в рабочем состоянии.

«В принципе на дачу можно», — подумала я, решив, что он отдает ненужную вещь. Но я не хочу бесплатно — неудобно.

— Давайте я у вас ее куплю, например, за 1000 рублей...

— Почему за тысячу? Я думал продать за 6000 — 7000.

— За 6000 — 7000 в наше время можно купить новую. Даже две, — сказала я и решила, что дядя Валя очень жадный.

Дядя Валя верит в Бога. Однажды он признался мне, что принципиально не занимается благотворительностью. Он считает, что Бог каждому человеку посылает свои испытания и человек сам должен их преодолевать.

Например, если Бог послал тебе инвалидность, то ты должен сам как-то справиться, а не клянчить деньги у других людей, у них же свои испытания.

Я выслушала эту версию и подумала, что для жадного человека она очень удобная и подходит идеально. И что его непроданная мультиварка — это не испытание. Но ничего не сказала: я взрослых людей не воспитываю. Мне по духу ближе дядя Гриша. Дядя Валя живет на какой-то своей планете, на которую я не хочу.

Перед Новым годом мы с сыном куда-то бежали по делам. Был сильный снег, и я в капюшоне, надвинутом глубоко, бежала, не оглядываясь по сторонам. Вдруг ладошка сына выскользнула из моей, я оборачиваюсь, смотрю — он завис около бабушки, торгующей всякой новогодней ерундой: полотенцами, открытками, варежками. Она стоит в этой метели, и товар, разложенный на ящике, уже снегом зане-

сло, и все бегут мимо — к торговому центру, теплому и уютному, никто не хочет покупать сувениры вот так: с рук, на холоде.

Я пробежала мимо и даже не заметила ее. А сын заметил и купил у нее полотенчико с вышитой хрюшкой за 100 рублей — и тут же ей обратно протягивает. Это, говорит, вам, с Новым годом вас.

И довольный такой стоит, на меня смотрит. Это при том, что он недавно потерял телефон и копит на новый, и к деньгам относится сейчас особенно трепетно, зарабатывает, не упуская возможности быть полезным по дому.

Для него эти 100 рублей — реальная такая сумма, ощутимая, а тут он щедро с ней расстался ради незнакомой бабушки. Подходит ко мне, гордый, докладывает: «Мам, я ей и денежку дал, и не обидел. Я как бы купил подарок и ей же подарил».

Я похвалила сына, сказала, что горжусь им. Тут же вспомнила, как он вчера ел конфеты из новогоднего подарка. Точнее не ел, а рассуждал.

— Представляешь, мам, я вот объелся уже этими конфетами, а есть одинокие бабушки, которым никто ни одной шоколадочки не подарил... Даже в нашем доме есть! Я бы их угостил, только не знаю, в каких они квартирах живут. Можно взять конфеты и просто распахать их по почтовым ящикам. Какие-то из них точно к бабушкам попадут...

Я СЛУШАЛА ЕГО И ДУМАЛА:
НЕ ПЕРЕГНУЛА ЛИ Я ПАЛКУ С ПРИВИВАНИЕМ
ДОБРОТЫ? Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ОН ВЫРОС
ДОБРЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, НО БЕЗ КЛИНИЧЕСКОЙ
СТАДИИ. КОНЦЕНТРАЦИЯ ДОБРОТЫ ДОЛЖНА
БЫТЬ ЗДРАВНОЙ И ОПРАВДАННОЙ.

Сын растет нежадным человеком. Это, конечно, хорошо. Но как бы он не вырос «дядей Гришей», которым все пользуются, а он не может «нет» сказать. Сын будет все отдавать, а вокруг всегда будут люди, которые рады взять это. Главное — не впадать в крайности: я не хочу, чтобы он в день зарплаты снимал все деньги и раздавал бедным, а потом сам месяц голодал.

Однажды мы с ним отдохали и смотрели телевизор. Мы устали, потому что таскали вещи: у нас ремонт. По телевизору шел сюжет про мальчика с неизлечимым заболеванием. Ему все время больно. И помочь ему можно, перечислив деньги на указанный счет.

Даня растрогался и заплакал. Попросил меня помочь мальчику, чтобы ему не было больно. Я перечислила небольшую сумму, и мы оба решили, что это как будто на обезболивающую таблеточку.

Потом мы переключили канал и попали на сюжет про девочку. Если ей не сделать операцию, она ослепнет. И снова счет. Даня умоляюще посмотрел на меня.

— Дась, у меня больше нет. Правда, если мы сейчас всем нуждающимся поможем, мы никогда не сделаем ремонт.

— У кого-то ремонт, а у кого-то жизнь... — рассудительно сказал сын. Он у меня добряк.

— Нет, милый, это неправильное рассуждение. Мы можем сейчас продать все, что у нас есть, и разово спасти десятки жизней. Но сами мы пойдём жить на вокзал, замерзнем, станем злыми и дергаными. И больше никому уже не сможем помочь, потому что помощь нужна будет нам самим. А если мы сделаем ремонт, построим тёплый, уютный дом, где всегда можно согреться, это будет место, где нам хорошо, где мы будем заряжать наши разряженные батарейки, где будем счастливы. Представь, скольким людям мы сможем помочь в этом случае — гораздо большему количеству!

ПОТОМУ ЧТО ОТДАВАТЬ НУЖНО, КОГДА НАПОЛНЕН
САМ. КОГДА ВНУТРИ ТЕБЯ ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ,
УМИРОТВОРЕНИЕ И ТЫ ГОТОВ ПОДЕЛИТЬСЯ ЭТИМ
С ТЕМИ, КОМУ СЕЙЧАС ТУГО. ПОЙМАЛ МЫСЛЬ?

— Поймал. Что иногда ремонт у тебя дома важнее, чем проблемы других людей, даже если они серьезнее твоих.